

УДК 1(091)

О ХАРАКТЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЕФОРМ (статья 1)

В.В. Ильин*, **А.В. Тимофеев****, **В.А. Никитин*****,
Э.И. Шайсултанова***

*ГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Москва

**ФГБОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)», г. Самара

*** Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны

Реформы в России... Почему в национальной истории они неизменно венчались контрреформами? Рассмотрены явные и тайные пружины российской модернизации, традиции социальной конфликтности, политический парадокс: сочетание автократии с демократией, характер и направления современного социально-политического обновления.

Ключевые слова: *реформы, контрреформы, социальный кризис, модернизация.*

Печальную черту отечественных реформ столь светлый, глубокий государственный ум, как Сперанский, видел в порывистости, переменчивости, незавершенности, воспалительности инновационных действий, преобразовательных шагов, изменений. «История России со времен Петра Первого, – выделял он, – представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство или, лучше сказать, недостаток твердых начал, был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как возникали» [10, с. 17].

В чем причина инверсионности нововведений? Почему трансформации не кумулятивны? По какой причине почины блокируются, гасятся, отменяются контрпочинами? Ущербны ли начинания сами по себе, как таковые (в смысле противоестественности, несвоевременности), противодействуют ли им какие-то (внутренние или внешние, явные или скрытые) силы, – как-то надо ведь объяснять, откуда-то вывести российскую способность получать *fumus ex fulgore*.

В экспликациях, понятно, недостатка нет. Соловьев выделяет борьбу родового и государственного начала. Но подобная борьба велась и в Европе, не сдерживая страновой прогресс. Ключевский говорит о колонизации территорий с выходом населения из-под опеки государства. Колонизация, однако, проводилась и в других частях света, вовсе не отменяя последовательных приобретений. Идея мировой закулисы, почему-то покушающейся на Россию, – спекулятивна. Модель политарно-

сти, сближающая Россию с восточным социумом, в контексте темы малопонятна. Если принимать регулярность, инвариантность неких базовых воплощений для организации социальности, цивилизационные отличия в дихотомическом ряду Восток – Запад не радикальны.

И все же чем обусловлены маятниковые движения российских реформ – беспорядочные метания от капитализма к социализму и от социализма к капитализму, от удельности к уездности и обратно, от вероисповедности к атеизму и *vice versa*, от товарно-денежного к натуральному.

Причина сущностной неорганичности национальных реформ, их монструозности, асоциальности, inferнальности в самой природе российской жизни, передаваемой понятием «несимфонийность». Российский социум несимфоничен – он конфликтен универсально, безусловно. Везде, всегда. Власть противостоит обществу, государство – народу, институты – гражданам, система – человеку. Россия до мозга костей антагонистична, расколена. В ней есть полюсы, крайности, противостояния, между которыми нет медиаторов, демпферов, буферов. Россия – человек без кожи – обнажена, чувствительна ко всякому влиянию, отчего страдает. Страдая же, безутешно идет до конца. Опустошая путь свой. Конфликты в России – больше чем конфликты [1, с. 74]. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Если восстание – то истребление, если террор – то резня, если оппонент – то враг, если несогласие – то кровавое. Не оставлять камня на камне, стирать в порошок – принцип; дезорганизация, деструкция – правило; само- и всеразрушение – стержень. В этом – «наше всё». Печально. Безотрадно.

В чем корни отечественного радикализма? Связывать его напрямую с этнокультурными свойствами национального типа – затея сомнительная. Российский национально-культурный тип объемён, многопланов и оттого не линеаризуем. Черты неумности, озорства, удалства, бунтарства соседствуют и сосуществуют с кротостью, терпимостью, покорностью. Россия плодила атаманов (Болотников, Разин, Пугачев), но и тьму благообразных, благоверных, благонамеренных людей; разбойников (Кудеяр), но и непротивленцев (Каратаев). В идеологии радикализм инициируется относительно тощим пластом адептов анархизма, революционного демократизма, экстремистского народничества, движения левых эсеров, большевизма – «головного футуризма» (Степун). В социальности радикализм («скрытый большевизм» – Степун) проявляется у заговорщиков-нечаевцев, террористов-бомбометателей, варваров-купцов, отечественных хулиганов, т. е. у сугубо маргинальных слоев – сбивавшихся в стаи бродяг, неприкаянных, босяков, людей перекати-поле (Челкаш), инициированных студентов, казаков.

Радикалам в идеологии противостояла сугубо умеренная традиция, зовущая Русь не к топору, а к духовному преображению. Соловьев указывал на веру, Достоевский – на страдание и смирение, Толстой на нравственное совершенствование. В социальности им (радикалам) про-

тивилась толща живущих «малыми», «медленными» трудами патриархальных крестьян и мещан, для которых бунт, протест, неповиновение (если, конечно, не доводить до отчаяния) – заповедны.

Тем не менее радикализм брал верх. Неизменно. Неизбежно. Не по причине имманентности душе русской экстремизма. А как следствие несимфоничности национального склада жизни. Суть не в том, что к нам тянули «дребедень отвлеченно-европейскую» (Достоевский), а в том, что у нас у самих прорва всяческой почвенной дребедени. Какой именно? В плане уточнения ответа на вопрос акцентируем следующие порочные особенности отечественной организации, как:

– *Сращение власти с собственностью*. Власть и собственность функционально разведены в управлении (дивергенцию этих начал конституирует «правило Лэйна»). Подчеркнем, что речь идет именно о функциональном разведении. На сущностном уровне «власть и собственность могут быть разделены на какое-то время, но разлучить их навсегда никогда не удастся, поскольку, поняв болезненность подобного разделения, собственность сразу же купит власть либо власть захватит собственность» [13, с. 338]. Как один, так и другой исход прекрасно моделируется на фактуре нашей истории. Достаточно взять смутные времена конца XVI–начала XVII в. (первый вариант) и конца XIX в. (второй вариант).

Власть и собственность совмещены в докапиталистических архаичных системах: власть как насилие, принуждение, подавление встроена в контекст производственных отношений, проявляется через формы внеэкономической зависимости. Рабовладельцы, феодалы единственно носители как власти, так и собственности; рабы, смерды как безвластны, так и неимущи. Начиная с капитализма власть и собственность расчленяются. Власть обретает черты института, аккумулирующего неэкономические связи; рынок систематизирует связи собственнические. На Западе человек политический (институционально государственный) возникает одновременно и наряду с человеком экономическим. В России ничего похожего не наблюдается. Политика у нас исторически не оформилась, не закрепились, не выделилась в специализированную отрасль социальной занятости, отсек практически-духовных занятий. Как в архаичном или традиционном обществе к политике у нас причастна каста элитной номенклатуры вначале сословной, наследуемой (государевой, великокняжеской, боярской, дворянской), затем партийно инициированной.

На фазе архаики при синкретизме собственности и власти кризис собственности (экономика) влек кризис власти – крах государственности, имперскости. Позже со стадии обособления власти (бюрократическое государство – машина побуждения, вынуждения, принуждения) и собственности (регулируемая рынком динамика персонального и социального богатства) в эпоху капитализма экономические кризисы не вызывают кризисов государственных (не равнозначно – «правительствен-

ных»). Реалии западной капиталистической социальности от этого застрахованы. Не то в России.

Благотворного функционального двоецентриа власти и собственности у нас не сложилось. С Ивана IV власть стала единодержавной; в борьбе с боярской олигархией опричнина осуществила редистрибуцию богатства с целью концентрации земельной собственности у двора, способствовала трансформации отечественной монархии в имущественную монархию; русский царь отныне – «первый» помещик. С Петра I власть стала имперской, универсальной, не разделяющей первенства ни с каким началом, ни с какой силой; стяжающая монополию духовного водительства церковь превратилась в одну из госконтор – коллегии. С Ленина власть стала всепоглощающей: все относительно, кроме власти – территории, этносы, богатство, благосостояние. Власть преобразовалась в чистую форму, репрезентируемую функциями партии. Со Сталина власть стала тоталитарной – «чистая форма» обрела плоть национальной державности; хлесткий ярлык «враг народа» – ужасное клеймо, агрегирующее признаки государственности, национальности, партийности.

История России – история не разделения, а соединения, сращения власти с собственностью. На дореволюционной стадии персонификатором власти и собственности был монарх, на послереволюционной стадии – государство. Синкретизм двух капитальных начал влек а) консервацию внеэкономического принуждения – от патриархальной общины до социалистического колхоза, вызывая порочный тандем взаимосоусиливающих экономических и политических (властно-государственных), политических и экономических потрясений; б) импульсивно-авантюристический, волюнтаристски-импровизационный тип правления, сказывающийся в особенности (исключаемой реальностью Запада) обмена пространства на укрепление власти. Соответствующим (антинациональным) образом действовали: Ленин – развал империи ради начала коммунистического эксперимента; Сталин – отказ от мировой революции, развал Интернационала ради продолжения коммунистического эксперимента в одной отдельно взятой стране; Горбачев – развал Восточного блока (трофея кровавой Второй мировой) ради совершенствований построенного социализма в одной стране; Ельцин – отказ от коммунистического эксперимента, развал СССР ради узурпации власти в РФ; в) возможность конвертации власти на собственность – самодостаточный слой «рыночно-демократических» нуворишей – прямой продукт номенклатурной приватизации некогда общенародных богатств.

– *Политохорологическая хаотичность*. С позиций современных физических представлений хаос – сущность фундаментальная, проясняющая загадку возникновения реальности «из ничего». Соответствующую идею на этот счет высказал Платон. Его прозрение развил Больцман, выдвинувший гипотезу упорядочения вещества посредством случайных возмущений. Следующий шаг сделал Джинс, связавший больц-

мановские случайные возмущения с гравитационными силами. На этой концептуальной платформе в дальнейшем расцвела квантовая геометродинамика.

По аналогии с физикой вакуума разворачивается и политологическая теория политического вакуума. Суть ее в моделировании обихожения державной целины через огораживание беспредела с необходимым структурированием среды обитания, увязыванием пространства со временем, геополитики (политохорологических структур) с хронополитикой (цикликой, ритмикой политохорологических структур).

С чего начинались империи? С отгораживания от хаоса – с возведения валов, стен, обустройства засечных полос, проведения демаркаций. Последние – рукотворные барьеры, бастионы от варваров – обеспечивали культивацию среды обитания. На островах антиварварства возникала политическая цивилизация. Складывание империй, державостроение, следовательно, в истоках имело очаговый, зонный принцип пространственного обособления, огораживания. Примечательно свидетельство народовольца, а впоследствии монархиста Л. Тихомирова, посетившего Западную Европу: «Перед нами открылось свободное пространство у подножия Салев, и мы узнали, что здесь проходит уже граница Франции. Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь деревенские дома. Каменные, многосотлетие. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей, высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем. Я сначала не понимал загадки, которую мне все это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это капитал, миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас, в России, прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, никто не живет в доме деда, потому что он при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла. А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное... И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут как моллюски в коралловом рифе» [9, с. 148–149].

В России поступать подобным образом физически было просто невозможно. Препятствовали базовые хроногеометрические параметры. Напомним, что по развиваемым нами топологическим соображениям политическое пространство векторизовано. Колонизация, индустриальная цивилизация идут с Запада на Восток. Культура, информация идут с Севера на Юг. Варварство, терроризм идут с Востока на Запад, с Юга на Север. Хроногеометрическая особость России в перекрещивании этих потоков. Россия сдерживает колониционный напор Запада, противодействует движению аборигенов Востока. Испытывает культурно-информационное

влияние Севера, в свою очередь, выполняет миссию культурно-информационного донора для внутренних колонизируемых окраин.

Огораживание от варваров с их уничтожением, ассимиляцией, изоляцией (резервацией) в России не происходило. Россия экспортировала чиновников на места (аппарат генерал-губернаторств) и импортировала (с Петра I вплоть до наших дней) бюрократию для нужд собственных. Эта управленческая транспортиция, однако, не заменяла собой огораживания. В отсутствие последнего не созидалась собственность, геополитика не трансформировалась в хронополитику. Территории не культивировались. (Едва ли не исключительный эпизод национальной истории, связанный с радикальным огораживанием, – недолговечный период «железного занавеса». СССР отгородился от «враждебного мира», созидал в одиночку новое общество и добился-таки на этом пути разительных результатов, от многих из которых потом отказался.)

Тем не менее жить в мире и быть огороженным от него на продолжительное время невозможно. Мир целостен, взаимосвязан. Огораживание – самый первый, исходный шаг: уйти из мира, дабы через державное отстранение от варваров вернуться в мир, вписаться в цивилизацию (сквозь почву). Этой-то начальной онтогенетической фазы не хватало нашей державности, не ушедшей вполне от варварства (обуза периферии сказывается по сегодня) и оттого не преодолевшей вполне хаотичности.

– *Неправовой строй.* На Западе государство с периода позднего Средневековья – начала Возрождения постепенно складывается как правовое – развивается законотворчество, вводятся, кодифицируются формальные принципы регламентирования деятельности, нащупывается механизм разделения властей, отрабатываются процедуры принятия ответственных решений, расчленяются компетенции государства, общества, личности с соответственными функциями, гарантиями, свободами. Никакой схожей правоустановленности в России не оформляется. Этнопсихологически в России укоренялось не право–канон, установленный порядок исполнения, а право–правда – сочетание закона с истиной и справедливостью. Привнесение содержательно, интуитивно толкуемых моментов, очевидно, подрывало процесс юридикации державных, гражданских связей (у нас, к слову сказать, в практике атрофированы такие классические разделы, как частное и публичное право). Русскому, отмечал В. Астафьев, «легче поступиться... юридическим началом, легальностью, чем моральностью». Этим все сказано. Социально-политически формирование правового нигилизма, неправового импульсивно-авантюрного властвования инспирировали два эпизода отечественной истории: а) кризис Киевской Руси, перемещение центра власти в Москву, являвшей в противовес городской киевской тип сельской организации и снабдившей нас свойственным ей «теплым», неформальным характером обмена деятельностью; б) монголо-татарское нашествие,

привившее России модель империи. Создатели Московского централизованного царства – «чингисиды» – Иван III, Василий III, Иван IV, с одной стороны, институционализировали идею империи (политическая гегемония Москвы в государстве и мире; Москва – Третий Рим), а с другой стороны, уничтожили народную вольницу (разгром Новгорода – последняя веха на пути пресечения вечевой традиции).

Страна в целом, никто в ней в особенности никогда не жили по праву. Манифестом 1762 г. Екатерина II торжественно обещала законы, кладущие учреждениям пределы их компетенции. Обещание осталось невыполненным. Уже в следующем веке подготовкой проекта Основного закона озабочены Сперанский (1809 г.), Новосильцев (1818 г.), Лорис-Меликов (1881 г.). Но «увенчания здания» не происходит. Проект Основного закона Российской империи обнародован лишь в 1905 г. В 1906 г. (!) подданные ошарашены отредактированным сводом «Основных законов», которые, правда, непрестанно нарушались подготовившей и утвердившей их инстанцией.

У нас укрепилась разрешительная (волютаристская), а не регистрационная (формальная) система, обильно питаемая произволом действия облаченных в державную тогу сановников. Не стремясь к систематичности, акцентируем следующие моменты:

а) на монаршей стадии истории непретворенность начала примогенетур (принцип первородства), подрывавшая неотъединенность социальных отношений от личностных и множащая смуту. Иван III самовластно тасовал претендентов на трон, Петр I не успел оставить завещание, вверг империю в череду ослабивших ее дворцовых переворотов. Казалось бы, Павел установил регламент – издал Акт о престолонаследии, превращавший империю из наследственной монархии по завещанию в наследственную монархию по закону. Документ «вносил в отечественную государственность реальные конституционные начала; он же избавлял страну от потрясений, лихорадивших ее почти весь XVIII в. Павел отменил несчастное и неудачное правило о наследовании престола, введенное его великим прадедом. И одновременно достроил здание примогенетур, начатое еще Даниловичами в XIV–XV столетиях» [8, с. 72]. Правовой строй российской монархии продержался чуть более века. Сокрушил его не кто иной, как последний император российский Николай II, отрекшийся от престола не только от своего имени, но и от имени сына. Последнее противоправно, как, впрочем, противоправно действие Михаила, отрекшегося от престола в пользу Временного правительства. (Михаил не имел права отречься от престола, так как по статусу не имел права занимать престол);

б) *абсолютность*, несообразованность верховной власти с уставами, традициями, основоположениями. Актами воли Иван III, Василий III привлекали к заседаниям Боярской думы думных дьяков и дум-

ных дворян по основанию личной преданности; Петр I перенес столицу государства; Николай II разгонял конституционные законодательные органы управления; в январе 1918 г. Ленин закрыл Учредительное собрание, за открытие которого ратовал в феврале 1917 г.; Сталин раскрутил маховик репрессий политических соратников, соперников, «случайно» списанных ни в чем не замешанных, неповинных лиц; Хрущев, впад в этнокоммунистическую эйфорию, занялся подношением территорий; Горбачев в разгар приступа «нового мышления» провалил геополитику; за сходное дело в 1991 г. принялся Ельцин, чтобы с 1996 г. с рвением приняться за обратное;

в) *конъюнктурность*: в угоду моменту приносятся в жертву интересы долгосрочные, зависимости порядка дальнего. Демонстративно антинациональное головоуятие с разрушением русских форпостов на Кавказе. Отечественная колонизация сдерживалась естественными (географическими) рубежами. Россия заняла Кубань, остановилась перед Кавказским хребтом. Она не пошла бы дальше в населенные враждебными мусульманскими народами районы, если бы не обращение единоверных и несамодостаточных в страновом отношении Грузии и Армении. Также в Азии – захват территорий подчинен естественной логике: юго-восточные границы беспокоили кочевые киргизы, налетчики ханств Кокандского, Бухарского, Хивинского. Завоевали их, подошли к естественным границам Гинду-Кушу, Тянь-Шаню, остановились. Аналогично на Дальнем Востоке. Достигли Тихоокеанского побережья, обустроились, укрепились. Продвинулись на Аляску, но держать ее не могли (в 1867 г. продали ее и Алеуты Соединенным Штатам за 7,2 млн долларов).

В 1859 г. русская армия в войне с кавказскими горцами под руководством Шамиля взяла важнейший опорный пункт вооруженной оппозиции на Восточном Кавказе – Ведено. Через каких-нибудь 60 лет большевики начали ликвидировать казачьи округа (рычаги колонизации), депортировать русских, упразднить русские административно-территориальные единицы в национальных районах, поражать русских в правах при формировании выборных местных органов власти. Особенно отличался мастер на все руки Орджоникидзе (большевистский эмиссар на Украине, Кавказе, Закавказье, Председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ, зампред СНК и СТО СССР, председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности). В секретном приказе № 1721 по кавказской трудармии он предписывал: «Первое – станицу Калиновскую сжечь; второе – станицы Ермолаевская, Закан-Юрловская, Самашкинская – отдать беднейшему безземельному населению и в первую очередь всегда бывшим преданным советской власти нагорным чеченцам; для чего все мужское население вышеозначенных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелон и под конвоем отправлять на север... для тяжелых принудительных работ; стариков, женщин и детей выселить из станиц, разрешив им переселиться в хутора и станицы на Север» [7, с. 37].

Еще через 70 лет после всех этих «революционно-освободительных» мероприятий в 1995 г. федеральные войска с боем опять штурмуют Ведено, дабы восстановить конституционный (!) порядок;

г) *келейность*. Об упомянутой продаже Аляски знали всего трое – монарх, премьер, минфин. Проект Брестского мира сложился в горячем уме одного человека. Отсутствие гражданского общества, парламентской процедуры легитимации решений, политической плюральности неизбежно подсекало патриотизм, здравомысленность в угоду властному корыстному шкурничеству. Характерный пример. В мае 1923 г. Политбюро ЦК РКП (б) обсуждает вопрос о продаже Сахалина Японии и постановляет: оно «не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи острова Сахалин, причем сумму в миллиард (долларов. – *Авт.*) считать минимальной». Национальными территориями торгует партия. Даже не партия – горстка ее высших бонз. И торгует далеко не в интересах народа. «Сумма, – уточняет решение, – должна быть внесена или вся или 9/10 ее наличными, причем на эти суммы не могут быть обращены никакие расчеты между Японией и Россией» [3]. Иначе говоря, поступления полагали провести по партийной кассе, которой распоряжался лично Ленин, потом Сталин. По чистой случайности сделка не состоялась: для Японии заявленная сумма оказалась чрезмерной. В противном случае территориальный вопрос между нашими странами выглядел бы иначе;

д) *сокрытие законов*. Интересный случай приводит Ключевский. Закон 1827 г. о 4,5 десятинах, внесенный в первое издание Свода законов, вдруг выпал из второго издания этого же Свода. Закон не был отменен, он просто пропал без вести. Точно также поступили с законом 8 октября 1847 г., предоставляющим крестьянам имений, продававшимся с торга, выкупаться с земель. В новом издании Свода законов положения 8 октября нет. «Высшая власть не отменяла закона; бюрократия, устроенная для установления строгого порядка во всем, представляла единственное в мире правительство, которое крадет у народа законы, изданные высшей властью» [5, с. 256]. Сказанное – не раритет николаевской эпохи. По некоторым данным, 70 % законоустановлений советского периода засекречено;

е) *кастовость*. Власть эшелонирована, замкнута, неротируема, не подконтрольна, милитаризована. Лишь в XVIII в. освобождено дворянство, в XIX в. – крестьянство. В отсутствие конституционности, парламентаризма, открытости власть монополизирована высшим руководством – промонархическим, пробольшевистским. Властным отечественным элитам атрибутивна жесткая иерархичность, консолидированность. Традиции интегрированности власти развили большевики, придавшие ей квазисословный – парткратический характер. Советская фаза власти – партноменклатурная, воплотившая аутентичную марксову схему народного государства. О последней еще Бакунин сказал, что в

сущности она «не предлагает ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и поэтому самого привилегированного меньшинства, будто бы лучше понимающего настоящие интересы народа, чем сам народ» [2, с. 27];

ж) *своенравность, взбалмошность, граничащая с самодурством.* Поклонявшийся Фридриху II российский самодержец Петр III жаловался на судьбу (польскому посланнику Ст. Понятовскому): «...Как я несчастен. Я бы поступил на службу прусского короля, служил бы ему со всем моим усердием и, конечно, был бы теперь командиром полка в чине генерал-майора или даже генерал-лейтенанта. А меня, вместо того, привезли в эту проклятую страну и сделали великим князем» (цит. по: [14]). Жалобы жалобами, но игравший по достижении совершеннолетия в солдатики полудурок монарх-пьяница по своей прихоти отменил завоевания России в Семилетней войне, вопреки национальным интересам заключил невыгодный мир с Пруссией. Аналогично поступил его сын, обиженный судьбой Павел, ненавидевший мать Екатерину II и своевольно аннулировавший многие ее державные начинания. Павел отменил большой рекрутский набор, указ о перечежанке монеты, раздал 300 тыс. госкрестьян частным лицам, запретил губернские дворянские собрания, отменил право избирать дворянских заседателей в губернские и уездные учреждения, возобновил посессионное право (его отменили в 1762 г.), восстановил упраздненные Екатериной коллегии, сломал ее областное деление (его восстанавливали), преследовал европейскую моду (фраки, круглые шляпы, идущие из Франции и якобы навевающие революционность);

з) *репрессивность.* Никто никогда в России в обход права не оттаивался перед мерами крайними. Борьба с собственным народом в веках, понятно, – варварство. Но как оценивать события исторически близкие? С 1918 г. по первое полугодие 1919 г. произошло 340 восстаний крестьян, нещадно подавленных. В Перми в 1918 г. казнено 800 рабочих, в Астрахани в марте 1919 г. расстреляны тысячи пролетариев. В августе 1922 г. в секретной инструкции органам Ленин назидал: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и... буржуазии удастся нам... расстрелять, тем лучше» [4, с. 193]. Лучше – кому? Вопрос риторический;

и) *преторианство.* В отсутствие силы права заявляется право силы. Непомерно велика в нашей истории политическая роль императорской гвардии, временщичества, вершащих перевороты дворцовые. С Елизаветы Петровны, запутавшейся в фаворитах, морганатических связях, убитых Петра III, Павла у нас претворяется истина – выбирающий господина не раб. Противостоять могущественному окружению августейших лиц столь же безрезультатно, как неодушевленной стихии.

– *Атрофия гражданского общества.* Гражданское общество – множество самодетельных учреждений граждан по интересам, контролирующих проявления государства и амортизирующих его отношения с

личностью. Предпосылками институционализации гражданского общества как противовеса государству являются а) атомизация собственности – укоренение частного владения, пользования, распоряжения богатством, благами; б) фрагментация политической сферы – укоренение легально-легитимных процедур отстаивания частичных интересов; в) гуманитаризация самосознания – укоренение в лице внутреннего свободного качества «субъекта для себя». Все эти условия пребывали в России в притуплённом состоянии. В стране существовал дефицит свободы. Герберштейн в «Записках о московских делах» (XVI в.) отмечал: русские находят «больше удовольствия в рабстве, нежели в свободе». (И это при отсутствии в России канонического формационного рабства.) Почему? Вследствие всеилия власти. Трезво, зорко, энергично об этом высказывался Сперанский: «...Вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только по отношению ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов» [10, с. 43]. Искомую перемену незаурядный реформатор государственности видел в преодолении «ощутительного противоречия, какое у нас есть между видимою формой правления и внутреннею, в исполнении на самом деле того, о чем в продолжении целого века государи твердили народу, в утверждении престола не на сне народа и очаровании предрассудков, но на твердых столпах закона и всеобщего порядка» [там же, с. 51].

Итак, рецепт найден – конституционное правовое государство и гражданское свободное общество. Однако рецепт нового бытия Россия не восприняла, во всех политических частях не преобразилась. Причинами того был блок факторов.

1. Противодействие самодержцев. Планы социально-политической реорганизации институтов торпедировались инициаторами. Отслеживая перспективы либеральных преобразований, Александр I недоумевал: «Что же я такое? Нуль. Из этого я вижу, что он [Сперанский] подкапывается под самодержавие, которое я обязан вполне передать наследникам своим» [12, с. 185]. Однотипно поступал Николай I, отвергший массу проектов реформ Комитета 6 декабря (о разграничении полномочий Государственного Совета и Сената, учреждении Совета Министров, перестройке центральных ведомств и местных учреждений, решении крестьянского и сословного вопроса). Реформе Александра II воспрепятствовала бомба Гриневского. Далее проявилось влияние Победоносцева, крайний консерватизм Александра III, узколюбость Николая II, толковавших гражданские реформы не иначе, как «бессмысленные мечтания».

2. Социальный синкретизм. Учреждения гражданского общества ограждают от произвола властей, сдерживают проявления деспотизма, поставляют гарантии суверенности, самодостаточности лица, обеспечи-

вают законный интерес индивида от посягательств госмашины. Но в отсутствие развитой политической жизни, правопорядка, гражданской элиты, известного класса людей, «особенно предустановленных к охранению закона» (Сперанский), любое ослабление государственности в России, любой его уход с авансены жизни означал разгул бесправия, раздолье произвола. Своенравно, безначально наше государство, но оно же – защита от куда большей своенравности, безначальности его подданных. Не надо искать деспотов на стороне. Они – в нас, кто при неорганическом взаимодействии с социумом реализует самость по своей стати.

Россия задавлена самовластием верхов, но в не меньшей степени самовластием низов. Маленький человек – диктатор в своем локале (как у Вяземского: «коллежский регистратор – почтовой станции диктатор»), проявляет безнарядье в пределах собственной компетенции.

Лучший способ преодолеть варваризм беспредела – установить органичность функционирования как общественного целого, так и лица в общественном целом через рычаги права, собственности, гражданской, моральной ответственности. В России (пока!) этот способ не материализовался. Материализовалось иное – крепостнический, репрессивный, террористический механизм проявления как целого, так и лица в целом. Управой на произвол и государства и лица в государстве в рамках разрешительной (не регистрационной) системы обмена деятельностью оказывалась дубина государства. Государство перманентно увечило себя (бесконечные встряски, чистки, перетряхивания), но и народ, подданных.

С усложнением общества усиливается зависимость социума от лица – его квалификации, участия, опыта. Просто самореализации лица – это и прогресс общества: коллективное развитие зависит от индивидуального, представляя тракт движения к высокому, совершенному. Но условия самотворчества личности создает общество. При органическом устройстве оптимальность предпосылок самовозвышения достигается правовой жизнью на микроуровне. (Удел макроуровня – ориентировать правосознание и праводействие на ФСК. Макроуровень, следовательно, задает как бы субстанцию, тогда как микроуровень – функцию правопорядка, законности.) Чему способствует многократное дробление и институциализация интересов, прав, обязанностей, выражений комплексов, сущностно связанных с любым и каждым структурным элементом последовательности государство–общество–личность. В российском же нерасчлененном синкретичном мире, где «общество» было «общиной», «царь» – «батюшкой», «генсек» – «отцом народа», социальное целое, «страна» строилась как «семья». Отпочкование от синкретичного целого ветвей гражданского общества в народном, массовом сознании воспринималось как затворничество, подпольность. Оттого едва ли не первоначальными носителями духа гражданского общества у нас были раскольники, масоны, т. е. противопоставляющие себя целому слою, если не прямые конспираторы, то во всяком случае марги-

налы, находящиеся на периферии общественной жизни, обочине национально-культурного существования.

3. Традиционная неготовность граждан согласовывать жизнь с твердыми началами законности, которая требовала бы институционализации. В народе – внизу – при всей забитости, подневольности развит институт свободолобия, тлеет стихия протеста, принимающая форму вызова – неправовых бунтарских, эскапистских акций. (Илья Муромец обиделся на князя – принялся рушить порядок, государственность.) В элите –верху – невзирая на права, вольности, преимущества благородства рождения (Грамота Екатерины II 1785 г.), нет тенденции обустроить жизнь законосообразно, относясь к ней как к формально правовому явлению. Начиная с декабристов, оппозиция заявляет интерес не через институты, а через пикировку, противостояние. Отрадное и, пожалуй, единственное исключение – Сперанский, бывший членом суда над декабристами, людьми ему близкими. Участники выступления 14 декабря для него – преступники, восставшие против законной (!) власти, а потому заслуживающие наказания. Единство слова и дела, помысла и поступка в данном случае проявилось в подписании осуждающего приговора: Сперанский пошел до конца, в отличие от, скажем, не решившегося на это Н. Мордвинова.

– *Идеократичность*. Взоры беспутного сапожника, замечает Фейербах, следят за штопором, а не за шилом, – оттого и происходят мозоли.

В России жизнь ориентирована не на право, а на правду, не на формальные принципы, а на содержательные начала – ценности. Причем если на Западе вопросы ценностей вследствие атомарности сосредоточены в частной сфере, в России вследствие синкретичности – во властно-государственной. Развитие социальности здесь подчинено правилу монополизации властью ценностных аспектов жизни. Апофеозом такой монополизации стал тоталитаризм, всецело определявший углы, градиенты аксиологических дрейфов. На Западе приватизация ценностных отношений влекла, с одной стороны, универсализацию единой и единственной ценности в лице национального интереса, а с другой – стимулировала политико-социальную консенсуальность (ввиду легитимности гражданского плюрализма). В России этакратизация ценностных отношений умножала раскол, усиливала расслоение на адептов и «внутренних врагов», увеличивала напряженность, репрессивность, исключала преемственность.

Новая ценность – новый курс. Не продолжение старого на основе улучшения, а тщание нововведений на базе разрушения. С неременной ликвидацией апологов прошлого.

Владимир дал Руси ценности. Петр начал их изничтоживать. Ударил по церкви (обмирщение, отмена патриаршьяго духоводительства, замена предстоятеля национальной веры светским лицом – оберпрокурором Синода, индульгенция на нарушение тайны исповеди в случае

подрыва интересов государства (характерная деталь – на Западе нарушение этого таинства – трагедия для представителя культа (фабула «Овода»), тогда как в России – моральный долг), старомосковской старине, домостроевской святой Руси (подавление стрелецкого бунта – кульминация и финал борьбы с традицией), принялся за европеизацию, перенес столицу (географический раскол державы). Взяли власть большевики – огнем и мечом стали внедрять антизападничество, что потребовало новой духовной апологии, а значит, интеллигенции. Отечественная интеллигенция в массе была уничтожена (вырезана, выслана). В цивилизационной пустыне развернулось возведение рукотворного памятника новым порядкам.

Столь неорганический стиль реформирования – от идеократичности. Он будет воспроизводиться до тех пор, пока страна, государство, народ пребывают в заложниках у носителей очередных, а то и внеочередных ценностей. Социальные ценности и частная жизнь должны быть правовым способом надежно разведены, разграничены. Тогда Россия приобретет гарантии от коловращения по тлетворному циклу, имеющему фазы: самоневерие–самоиспытание–самоистязание. Мы более не в силах начинать сначала, как Ромул, на пустом месте; оглядываясь назад, понимать, что сделано нечто не то, и посему, точно китайский болванчик, падать в обморок.

– *Дистанциональность*. Политическая хроногеометрия позволяет различать дистанционный (А) и институциональный (Б) тип власти. (А) осуществляет контроль пространства, экстенсивен, основан на дальном действии. (Б) производит контроль времени, интенсивен, основан на близком действии. (А) реализовался в России, (Б) – на Западе.

Российская дистанциональность от неправового строя социальной коммуникации, которая не крепилась на универсально кодифицированных нормах, регуляциях обмена деятельностью. У нас «обильное законодательство при отсутствии закона» (Ключевский) сплошь да рядом пробуждало то, что (в непадении в словотворчество) заслуживает-таки присвоения особого имени – «державного хроноспазма».

Державный хроноспазм – это провал в архаичную неотрегулированность жизни, безнравье, когда за неимением регламента деятельности и невозможности постоянного вмешательства центральной власти на микроуровне идет тотальная разрушительная работа, впадение в хаос, восторг дезорганизации. Не погружаясь в сюжет, подчеркнем лишь, что институциональная форма в отличие от дистанциональной, функционируя как спецификация общего закона на местной конкретике, достигает эффекта самоорганизации локального уровня без всегда затратных возмущающих вмешательств центрально-государственных органов. В России за неимением федерального регламента, расписывающего полномочия центра и окраин, государство замыкало на себя все.

При неразвитости местных, региональных управленческих институций персонификатором госмашины в провинции был наместник. (Русское государство исходно строилось по принципу не окраинного самоуправления, а наместничества.) Наложение центральных экспортируемых на окраины правил, преломляемых и из вращаемых (небескорыстным) миропониманием наместников аборигенные устои (при атрофии правового поля) склоняло к бег правным, волюнтаристским импровизациям, субъективным аврамам (от какого-нибудь вымышленного Угрюм-Бурчеева до вполне реального застрелившегося в хрущевское время первого секретаря рязанского обкома КПСС Ларионова), плодя дисгармонию.

В пределе дистанциональность воспроизводила не цивилизованную борьбу отрегулированных функций (сдержки и противовеса в разделении властей), а дикую войну произвольно толкуемых ценностей. Ценностная война – самая разрушительная, и она – печальный факт России. Эта война велась:

а) на персональном уровне – с «мундирным анархизмом», бытовой конфликтностью (провинившегося сына наказывал не отец, а сельский староста);

б) на социальном уровне – с криминальным безнравственным элементом, для которого произвол–закон, преступление–доблесть, убийство–подвиг;

в) на державном уровне – как с собственным народом, так и с «инородцами». Собственный народ либо восставал, либо «выходил» из существующего порядка, брел розно, бежал из государства (благо было куда, позволяли пространства). «Инородцам» – выходцам с окраинных колонизированных территорий центр выплачивал своеобразную дань в виде поблажек: гражданских (представители национальных районов вплоть до формирования «дикой» дивизии в 1914 г. во избежание подрыва генофонда не призывались в армию; льготы на обучение); политических – представительские квоты, соблюдение автономии интересов (о последнем – убедительно у Столыпина: «В России... сила не может стоять выше права! Но нельзя... допускать, чтобы одно упоминание о правах России считалось в Финляндии оскорблением» [11, с. 147]), большевистская тактика инспирации этнических административно-территориальных единиц в соответствии с ленинским императивом «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить» [6, с. 360]. И пересаливали – депортировали этнических русских, казаков (Туркестан, Северный Кавказ), ликвидировали русские поселения в национальных районах, поражали русских в правах при выборах в местные органы власти; экономических – развитие дотационного редиистрибутивного хозяйства, превратившегося в подпитку «окраинного варварства»; традиционных – соблюдение колорита этнокультурной микрофлоры (в присоединенных Эстляндии и

Лифляндии, где в основном господствовали немецкие и шведские феодалы, сохранены сословное самоуправление, вотчинная полиция).

Отсутствие федерального регламента державостроительства – печальная и опасная подробность, вызывающая в отечестве характерную для него борьбу не партий (структур гражданского общества), а учреждений, не функциональную дифференциацию властей, а дифференциацию функций власти. На Западе каждой властной функции соответствует полномочный субъект; у нас каждому полномочному субъекту соответственно множество властных функций. Подобное обстояние дел снимает возможность выработки формально-правовых консенсуальных решений. Существо консенсуса – увязывание интересов властных лиц. У нас же не с кем учреждать консенсус. Можно лишь более или менее централизованно отпускать вожжи или натягивать их. На Западе «монополия легальности» (Зиновьев) стягается правом, у нас – партией власти (монархической, коммунистической). На Западе (при правовом взаимодействии, противоборстве политических интересов) проявление центром сверхнормативных прерогатив ненужно, избыточно. В России (в легитимно неочерченном поле политического взаимодействия) роль центра особа: вся и всякая борьба всегда идет в центре и с центром, представляющими его министерствами, ведомствами.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия — расколотое общество // Рубежи 1995. № 5. С. 67–75.
2. Бакунин М. Полн. собр. соч. СПб.: Изд. И. Балашова, 1907. Т. 2. 267 с.
3. Известия. 1992. 31 июля.
4. Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. -210 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 5. 479 с.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Изд. Политической литературы, 1970. 729 с.
7. Отечественная история. 1992. № 4.
8. Пивоваров Ю. «Гений блага» русской политики // Рубежи. 1995. № 6. С. 76–78.
9. Воспоминания Льва Тихомирова. М.;Л.: Госиздат, 1927. 516 с.
10. Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961. 245 с.
11. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. 411 с.
12. Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. - СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1905. Т. 4. 569 с.

13. Peterson M. Democracy, Liberty and Property // The State Constitutional Conventions of the 1820-s. Indianapolis: Bobbs-Merill, 1966. 215 p.
14. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / под ред. В.В. Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1996. 400 с.

ON THE NATURE OF DOMESTIC REFORMS. Part 1

V.V. Ilyin*, A.V. Timofeev, V.A. Nikitin***, E.I. Shaysultanova******

*MGTU named after N.E. Bauman, Moscow

**Samara State air-cosmic university named after S. P. Korolev

***KF of VFSU, Naberezhnye Chelnye

****KF of VFSU, Naberezhnye Chelnye

Reforms in Russia... Why were they invariably followed by counter-reforms in the context of national history? The article reveals explicit and hidden springs of the Russian modernization, the traditions of social conflict, politically paradoxical combination of autocracy with democracy, the nature and direction of contemporary social and political innovations.

Keywords: *reforms, counter-reforms, social crisis, modernization.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГБОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)», г. Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

НИКИТИН Владимир Аркадьевич – преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

ШАЙСУЛТАНОВА Эльмира Ильдаровна – старший преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: mir-sh@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof. of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich - Ph.D. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara State air-cosmic university named after S. P. Korolev. E-mail: timofeev av@list.ru

NIKITIN Vladimir Arkadievich – lecturer of of Philosophy Dept., Chapter of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

SHAISULTANOVA Elmira Ildarovna – senior lecturer of Philosophy Dept., Chapter of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: mir-sh@mail.ru